

ОТ ИДЕИ ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛИЗМУ К ТЕОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ В УСЛОВИЯХ «ЗАПАЗДЫВАНИЯ» МИРОВОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Виктор Николаевич Болоцких

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), 630008, Россия, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113, доцент кафедры истории и философии, тел. (903)902-87-30, e-mail: viknikbol@yandex.ru

В статье речь идет об эволюции взглядов большевиков на возможность социалистической революции в России. До начала 1920-х гг. они исходили из представлений о переходе к социализму только в случае высокого уровня экономического развития страны. Для России это означало невозможность перехода к социализму без мировой революции. Так как мировая революция не произошла, то одни большевики поддержали теорию возможности построения социализма в одной стране, другие выбрали курс на ускорение мировой революции.

Ключевые слова: большевики, переход к социализму, строительство социализма.

FROM THE IDEA OF TRANSITION TO SOCIALISM TO THE THEORY OF BUILDING SOCIALISM IN A SINGLE COUNTRY IN THE CONTEXT OF THE "LAG" OF THE WORLD COMMUNIST REVOLUTION

Victor N. Bolotskikh

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin), 113, Leningradskaya St., Novosibirsk, 630008, Russia, Associate Professor, Department of History and Philosophy, phone: (903)902-87-30, e-mail: viknikbol@yandex.ru

The article refers to the evolution of the views of the Bolsheviks on the possibility of a socialist revolution in Russia. Until the beginning of the 1920s they proceeded from the notions of transition to socialism only in case of high level of economic development of the country. For Russia This meant the impossibility of transition to socialism without a world revolution. Since the world revolution did not occur, some Bolsheviks supported the theory of the possibility of building socialism in one country, others chose a course to accelerate the world revolution.

Key words: Bolsheviks, the transition to socialism, the Building socialism.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики не собирались строить социализм как первую стадию коммунизма в России. По их представлениям на тот момент социализм вообще нельзя было строить. Поэтому среди декретов II съезда Советов нет Декрета о национализации промышленности. Ленин тогда говорил и добивался установления рабочего контроля над производством и распределением.

Социализм нельзя и не нужно было строить по той причине, что теория Маркса и Энгельса об общественно-экономических формациях не предусматривает «строительства» какой-либо формации вообще. Производительные силы новой формации складываются в недрах старой в тот период ее жизни, когда

старая формация уже исчерпала свои возможности развития и закономерно клонится к закату.

И только когда производительные силы (экономический базис) старой формации окончательно становятся тормозом развития общества, а производительные силы (экономический базис) новой формации достигли достаточно высокого уровня и их победе и полноценному росту мешает только надстройка (политическая, социальная, культурная) происходит переход к новой общественно-экономической формации. Подчеркиваю, именно переход, так как основа, базис новой формации, уже существует и на достаточно высоком уровне.

Революция, которые знаменуют переход от одной общественно-экономической формации к другой – это революции политические и социальные. Их задача – свергнуть устаревший политический строй, лишить привилегий и власти господствующие классы старого общества и дать возможность для складывания социально-политической, культурной и идеологической надстройки новой формации, экономический базис которой уже имеется и он достиг достаточно высокого уровня, с точки зрения марксистов.

Ленин считал себя правоверным марксистом и поэтому и не мог ставить задачу строительства социализма после свершения пролетарской социалистической революции. Не случайно, большевики часто называли события октября 1917 г. всего лишь переворотом, а определение Великая Октябрьская социалистическая революция утвердилось окончательно только в 1930-е гг., а другие определения стали караться строжайшим образом.

Но Ленин был выдающимся политиком и достаточно умным человеком, чтобы понимать, что Российская империя начала XX в. экономического базиса для коммунистической общественно-экономической формации не имеет. Около 80 % населения составляли крестьяне, их хозяйства преобладали в аграрном секторе экономики, а ведь крестьянство для марксистов – это сословие феодального общества и оно должно исчезнуть еще на стадии капиталистической формации. Вместе с помещичьими латифундиями. Крестьянские хозяйства и имения помещиков давно должны были быть заменены крупным аграрным производством капиталистического типа.

Еще весной 1918 г. Ленин считал возможным и необходимым использование рыночных механизмов для восстановления и дальнейшего развития экономики страны с целью создания предпосылок для перехода к социализму. Он и в дальнейшем говорил неоднократно о необходимости подтягивания экономического и культурного уровня России до уровня наиболее развитых стран, которые считались уже готовыми к переходу к социалистической формации (Германия, Великобритания, Франция, США, прежде всего). Именно поэтому российские социал-демократы, включая меньшевиков, были последовательными сторонниками индустриализации страны и составляли наиболее «буржуазные» аграрные программы.

Помочь российскому пролетариату подтянуть экономический базис до необходимого уровня должен был пролетариат более развитых стран. Но для этого пролетарии этих стран должны были совершить мировую или хотя европей-

скую пролетарскую коммунистическую революцию. Именно поэтому лозунг мировой коммунистической революции был одним из главных у большевиков до и после прихода к власти.

Если Ленин в 1917 г. был целиком поглощен практическими делами и мало теоретизировал, то представитель молодого поколения большевиков Н. И. Бухарин всегда был склонен к теоретическому осмыслению возможности и перспектив социалистической революции в России. С. Коэн отмечает, что до 1917 г. большевики не разрабатывали всерьез экономическую программу социалистической революции в России. И главной дилеммой для них станет увязка возможности социалистической революции с глубокой отсталостью российского общества.

С. Коэн пишет, что для Бухарина и «всего большевистского руководства, как правило, ответ заключался в течение нескольких лет в предположении органической связи между революцией в России и революцией в развитых европейских странах. Вместо того чтобы подойти вплотную к решению вопросов социалистической формы правления в России, большевики прибегли к положению, считавшемуся у марксистов бесспорной истиной, что пролетарская революция так же, как предшествующие ей буржуазные, будет явлением международным. Социальную и экономическую отсталость России, заключали они, можно преодолеть благодаря товарищеской помощи и поддержке с Запада. Это нежелание задумываться над программными вопросами больше, чем что-либо другое, мешало большевикам разумно рассуждать об экономическом обновлении и других внутренних проблемах будущего».

С. Коэн ссылается на статью Бухарина, опубликованную после Февральской революции, в которой он задавался вопросом, каким образом немногочисленный пролетариат России после своей победы сможет справиться с экономическими и организационными задачами в отсталой мужицкой стране. И отвечал, что нет никакого сомнения в том, что русская революция перекинется на старые капиталистические страны и что рано или поздно она приведет к победе европейского пролетариата. Экономические проблемы, другими словами, с точки зрения Бухарина, имели международный характер, так как результатом мировой революции могла быть единственно «товарищеская экономика» [1, с. 84].

Через два дня после прихода большевиков к власти, Бухарин повторил более определенно свои аргументы: «Мировая революция означает не только чисто политическую поддержку русской революции. Она означает экономическую поддержку». Он также заявлял в этой статье: «Окончательная победа российского пролетариата... невероятна без поддержки западноевропейского пролетариата» (цит. по: [1, с. 84]).

Ленин весной 1917 г. в Апрельских тезисах ставил условием революционной войны переход власти руки пролетариата и союзных ему беднейших слоев крестьянства. А в статье «Задачи пролетариата в нашей революции» рассматривал Февральскую революцию в России как начало «превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала первый шаг к прекращению войны. Только второй шаг может обеспечить прекращение ее, имен-

но: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта» – фронта интересов капитала, и только прорвав этот фронт, пролетариат может избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира» [2, с. 113–114, 161].

Бухарин на VI съезд РСДРП (б) подчеркивал нарастание государственного капитализма в условиях войны, который марксисты считали предтечей социализма, «последней мыслимой формой капитализма». Считая летом 1917 г. победу контрреволюции в России временной, Бухарин предсказывал «новый большой подъем революционной волны».

И в таком случае, по его мнению, события могли развиваться только по одному из двух вариантов: «либо наша крестьянско-пролетарская революция победит раньше, чем вспыхнет революция в Западной Европе и в других странах, либо в какой-нибудь из западноевропейских стран революция победит раньше чем у нас. В первом случае перед победившей рабоче-крестьянской революцией на очередь станет объявление революционной войны, то есть вооруженная помощь еще не победившим пролетариям. Эта война может носить различный характер. Если нам удастся починить разрушенный хозяйственный организм, мы перейдем в наступление. Но если у нас не хватит сил на ведение наступательной революционной войны, то мы будем вести революционную войну оборонительную. Тогда мы будем иметь право заявить пролетариату всего мира, что мы ведем священную войну во имя интересов всего пролетариата, и это будет звучать товарищеским призывом. Такой революционной войной мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции. Единственным действительно демократическим выходом из того тупика, в который зашли западноевропейские, а затем и американские страны, является международная пролетарская революция, скольких бы жертв она нам ни стоила. Никакого другого разрешения вопроса нет» [3, с. 103–105].

Именно перспективами мировой революции определялись позиции большевистских лидеров в вопросе о заключении Брестского мира, о чем говорил Ленин на заседаниях большевистского ЦК [4, с. 243–258, 399–407; 5, с. 3–36].

Именно ожиданием мировой революции и желанием ускорить ее свершение объясняется наступление Красной армии на Варшаву в 1920 г. Это наступление не диктовалось военными задачами – части Красной армии вышли на историческую границу между Украиной и коренной Польшей и вполне могли на ней остановиться. Но желание подтолкнуть пролетарскую революцию в Польше, а потом и в соседней Германии взяло верх над другими соображениями.

Именно поэтому большевики создали III, Коммунистический, Интернационал, помогали зарубежным компартиям финансами, людьми, советами.

Эволюцию взглядов Ленина от ожидания скорой мировой революции и помощи европейского пролетариата, без которых социализм в крестьянской России невозможен, к идее возможности построения социализма в одной стране подробно рассматривает Н. Валентинов. Он выделяет комплекс условий, который представляет «все необходимое для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это

все необходимое для этого построения». Этот комплекс условий, по Ленину, составляют: власть пролетариата, власть государства на землю и крупные средства производства, союз пролетариата и крестьянства при руководстве его пролетариатом, развитие кооперации [6, с. 55–60, 67].

Но после окончания Первой мировой войны и Гражданской войны в России ситуация изменилась. Начался процесс стабилизации в капиталистических странах и на международной арене. Перспектива свершения мировой коммунистической революции скрылась в тумане, который становился все плотнее.

В конце жизни Ленин вернется к проблеме мировой революции. Ленин отвечал Н. Суханову и другим марксистам, критиковавших большевиков за преждевременность социалистической революции в России. Он обращал внимание на то, что, при определенном пути развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе, возможны некоторые поправки, совершенно незначительные с точки зрения общего хода мировой истории.

Первая – революция связана с невиданной ранее мировой империалистической войной, что должно привести к новым ее чертам, зависимым именно от войны.

Второе – при общей закономерности истории не исключаются, а, напротив, «предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития».

Ленин имел в виду, что «Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным».

Ленин считал бесконечно шаблонным довод, что Россия не доросла до социализма, что у нее нет «объективных экономических предпосылок для социализма».

Для вождя большевиков бесспорно положение, что «России не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм».

Но при этом он указывает как раз на особое положение России: «Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз "крестьянской войны" с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой "марксист", как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии?»

Что если полная безвыходность положения, удесятерив тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах?

Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?» [7, с. 379–381].

И далее Ленин высказывает мысль, которая ляжет в основу теории о возможности построения социализма в отдельно взятой стране:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [7, с. 381].

После 1922 г. с каждым годом становилось все яснее, что мировая коммунистическая революция «запаздывает», что империалистический мир вступил в эпоху стабилизации. Тема внутренней и внешней стабилизации капиталистических стран станет общим местом в выступлениях и статьях большевистских вождей в 1920-е гг. И тогда выявится две основных точки зрения на перспективы социализма в России.

Левые (Троцкий, Преображенский, Пятаков и другие) остались на прежних позициях и продолжали считать, что без мировой революции социализм в крестьянской России недостижим.

Л. Д. Троцкий еще в брошюре 1906 г. (он переиздаст ее в 1919 г. с оговоркой, что она требует изменений, но в основном ее значение не устарело) утверждал невозможность вовлечения крестьянства в социалистическую революцию, во главе которой стоит пролетариат.

Троцкий объяснял свое отрицательное отношение к крестьянству, неверие в революционные возможности которого он сохранил и через десять с лишним лет: «Между тем при программе уравнительного землепользования воспретить применение наемного труда – значит, с одной стороны, обязать безземельных батраков сесть на клочок земли, с другой стороны, для государства значит обязать снабдить этого батрака необходимым инвентарем для его общественно-нерационального производства.

Разумеется, вмешательство пролетариата в организацию сельского хозяйства начнется не с прикрепления разрозненных работников к разрозненным клочкам земли, а с эксплуатации крупных имений за государственный или коммунальный счет.

Только в том случае, если такое обобществленное производство станет прочно на ноги, процесс дальнейшей социализации сможет быть двинут вперед воспрещением применения наемного труда. Этим путем сделается невозможным мелкое капиталистическое земледелие, но останется еще поле для продовольственных и полупродовольственных хозяйств, насильственная экспроприация которых никоим образом не входит в планы социалистического пролетариата».

В соответствии с марксистской установкой на крупное промышленное и аграрное производство, Троцкий категорически заявляет: «Во всяком случае,

пролетариат никоим образом не сможет принять к руководству программу "уравнительного распределения", которая, с одной стороны, предполагает бесцельную, чисто формальную экспроприацию мелких собственников, с другой стороны, требует вполне реального раздробления крупных имений на мелкие части. Такая политика, будучи непосредственно хозяйственно-расточительной, имела бы в своей основе реакционно-утопическую заднюю мысль и – сверх всего – политически ослабила бы революционную партию».

И далее Троцкий высказывает идею, верность которой он сохранит до конца жизни: «Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты. Но, с другой стороны, нельзя сомневаться и в том, что социалистическая революция на Западе позволит нам непосредственно и прямо превратить временное господство рабочего класса в социалистическую диктатуру».

Троцкий полагал, что задача социалистической партии «состояла и состоит в том, чтобы революционизировать сознание рабочего класса, как развитие капитализма революционизировало социальные отношения». И он приходит к выводу, что «социал-демократия, как организация, воплощающая политический опыт пролетариата, может стать в известный момент непосредственным препятствием на пути открытого столкновения рабочих с буржуазной реакцией. Другими словами, пропагандистско-социалистический консерватизм пролетарской партии может в известный момент задерживать прямую борьбу пролетариата за власть. Огромное влияние русской революции сказывается в том, что она убивает партийную рутину, разрушает консерватизм и ставит на очередь дня вопросы открытого соразмерения сил пролетариата и капиталистической реакции. Борьба за всеобщее избирательное право в Австрии, Саксонии и Пруссии обострилась под прямым влиянием октябрьской стачки в России. Восточная революция заражает западный пролетариат революционным идеализмом и рождает в нем желание заговорить с врагами «по-русски».

Российский пролетариат, оказавшись у власти (хотя бы лишь вследствие временной конъюнктуры нашей буржуазной революции), встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контрреволюцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе. Ту колоссальную государственно-политическую силу, которую дает ему временная конъюнктура российской буржуазной революции, он обрушит на чашу весов классовой борьбы всего капиталистического мира. С государственной властью в руках, с контрреволюцией за спиной, с европей-

ской реакцией перед собой, он бросит своим собратьям во всем мире старый призывный клич, который будет на этот раз кличем последней атаки: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"» [8, с. 107–110].

Идеи Троцкого и его сторонников сводились к необходимости проведения в Советской России сверх индустриализации милитаристского типа для превращения страны в военный оплот мировой коммунистической революции и всемерному ее подталкиванию всеми доступными способами. Форсированную индустриализацию (за 1–3 года) предлагалось провести в основном за счет ограбления деревни путем неэквивалентного обмена.

Ленин не успел выработать четких представлений о том, что надо делать. Но он высказал ряд идей (о роли кооперации, электрификации, власти пролетариата), на основе которых была построена теория о возможности построения социализма в отдельно взятой стране, т. е. в Советской России: наличие диктатуры пролетариата, вооруженной самой «передовой» идеологией, многочисленное население и богатейшие природные ресурсы. Основным разработчиком этой теории стал Н. Бухарин. Эта теория означала более плавный эволюционный способ индустриализации с учетом интересов населения и использования до поры до времени рыночных механизмов.

Каменев и Зиновьев занимали промежуточную позицию – строить социализм надо, но построить его невозможно без мировой социалистической революции.

Сталин занимал особую позицию. До конца 1920-х гг. он поддерживал Бухарина и его сторонников, Председателя Совнаркомов СССР и РСФСР А. Рыкова и главу профсоюзов М. Томского. Но после полного разгрома левых, Сталин встал на путь форсированной индустриализации, а Бухарин и его сторонники неожиданно для себя оказались «правыми уклонистами» и с ними началась ожесточенная борьба, закончившаяся их полным разгромом. Отличие индустриализации по Сталину от идей леваков заключается прежде всего в отношении к коллективизации, которую Троцкий со своими единомышленниками не признал.

Надо иметь в виду, что все вожди большевиков, включая сторонников теории построения социализма в одной стране, поддерживали идею о неизбежности свершения мировой коммунистической революции. Различия были в деталях – когда и как она произойдет, насколько открыто можно ее подталкивать и ускорять.

Дело в том, что все они сходились на необходимости как можно более быстрой индустриализации России. А провести ее в более или менее короткий срок без импорта машин и технологий было невозможно.

Борьбу разных течений внутри Коммунистической партии в период нэпа, отрицательное отношение к самому нэпу значительной части коммунистов хорошо показал Н. Валентинов (Н. Вольский) [9].

Идеи необходимости индустриализации страны и неизбежности мировой коммунистической революции оказывали огромное влияние на экономическую

политику большевиков в 1920–1930-е гг., определяли способы, методы и темпы индустриализации, а также политику в отношении крестьянства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938 : пер. с англ. – 2-е изд. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 574 с.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во политической литературы, 1997. – 672 с.
3. Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года. Протоколы.– М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. – 480 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во политической литературы, 1977. – 740 с.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во политической литературы, 1977. – 742 с.
6. Валентинов Н. Наследники Ленина / ред.-сост. Ю. Фельштинский. – М. : Терра, 1991. – 240 с.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во политической литературы, 1998. – 730 с.
8. Троцкий Л. Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. – М. : Политиздат, 1990. – 447 с.
9. Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / сост. и автор вступ. статьи С. С. Волк. – М. : Современник, 1991. – 367 с.

© В. Н. Болоцких, 2018